Воспоминаніе о князѣ А. Н. Волконскомъ.

2-го Апрѣля нынѣшняго 1878 года скончался въ Римѣ князь Александръ Никитичъ Волконскій. Онъ безспорно принадлежалъ къ числу лучшихъ и образованнѣйшихъ Русскихъ людей, и я полагаю, что нѣсколько словъ о немъ отъ лица, знавшаго его съ дѣтства, будутъ нелишними.

Отецъ его князь Никита Григорьевичъ, офицеръ Измайловскаго полка, служилъ адъютантомъ у дѣда своего по матери фельдмаршала кн. Николая Васильевича Репнина, въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ поручикомъ Лубяновскимъ, который оставилъ послѣ себя извѣстныя Записки *). Когда князя Репнина постигла опала при императорѣ Павлѣ, то оба его адъютанта отставлены за замѣченный въ нихъ «Репнинскій духъ», какъ сказано въ высочайшемъ приказѣ. Въ царствованіе Александра Павловича, князь Н. Г. Волконскій служилъ адъютантомъ при Михельсонѣ, который былъ главнокомандующимъ въ войну противъ Турокъ и по кончинѣ Михельсона назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю. Въ этомъ званіи онъ состоялъ до производства въ генералъ-маіоры и находился до кончины Императора при немъ, будучи близкимъ родственникомъ извѣстнаго князя Петра Михаиловича Волконскаго, супруга котораго была родная сестра Никиты Григорьевича.

Мать князя Александра Никитича, знаменитая кн. Зинаида Александровна, была дочь кн. Бѣлосельскаго, бывшаго посланника въ Дрезденѣ, потомъ въ Туринѣ, и по своей матери внучка Марьи Дмитріевны Татищевой, сестры извѣстнаго Петра Дмитріевича Еропкина, усмирившаго бунтъ въ Москвѣ, во время чумы 1771 года. Княгиня Волконская была женщина умная и образованная; ее не даромъ называли la Corinne du Nord (Сѣверная Коринна). Вмѣстѣ съ мужемъ своимъ она сопровождала главную квартиру Государя во время славныхъ походовъ 1813—1814 годовъ. Съ нею ѣздилъ и единственный ея сынъ, тогда еще младенецъ (онъ родился въ Августѣ 1811 г.). Малютка находился при главной квартирѣ и въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, и во Франціи, и даже сопровождалъ Александра Павловича въ Англію. Княгиня сама занималась воспитаніемъ и ученіемъ сына до 15-ти лѣтняго его возраста. Она старалась развить въ немъ охоту ко всему изящному. Княгиня Зинаида жила въ Москвѣ съ 1824—1829 годъ, въ домѣ мачихи своей княгини Анны Григорьевны Бѣлосельской и принимала у себя отборное общество. У нея были вечера, на которые собирались Пушкинъ, князь Вяземскій, Давыдовъ, Веневитиновъ, А. Н. Муравьевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій. Вечера проходили въ чтеніи и музыкѣ; здѣсь собирались лучшіе музыканты и пѣвцы Итальянской оперы. Княгиня сама отлично пѣла, знала хорошо музыку и всегда участвовала въ исполненіи музыкальныхъ піесъ. Вечера эти имѣли благотворное

*) Напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1872 года.

вліяніе на молодость князя Александра и впослѣдствіи предохранили его отъ вредныхъ увлеченій. Во время коронаціи императора Николая въ 1826 году, находясь съ эскадронами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка въ Москвѣ, я часто посѣщалъ эти вечера, но никогда не видалъ, чтобы тамъ играли въ карты. Многіе знакомые просили у княгини позволенія составить партію виста, но она положительно заявила, что никогда не дозволитъ, чтобы у нея въ домѣ играли въ карты. У князя Александра Никитича съ пятилѣтняго возраста былъ товарищемъ Владиміръ Дмитріевичъ Павей. Княгиня Зинаида, будучи въ Англіи въ 1815 году, нашла Павея круглымъ сиротой, взяла и воспитала вмѣстѣ съ сыномъ. Впослѣдствіи Павей былъ истиннымъ другомъ князю Волконскому и сдѣлалъ ему много добра. Во время служенія князя за границей, всѣ имѣнія его и матери до того были разстроены безпорядочнымъ управленіемъ, что не только съ нихъ не получались надлежащіе доходы, но даже не платились проценты въ Опекунскій Совѣтъ, и едва было не поступили въ продажу съ публичнаго торга. Объ этомъ я нѣсколько разъ писалъ княгинѣ въ Римъ, и наконецъ она рѣшилась послать въ Россію Павея съ полною довѣренностью. Павей пріѣхалъ въ Москву и тотчасъ же отправился по всѣмъ имѣніямъ. Разными оборотами по хозяйству, онъ въ два года успѣлъ уплатить всѣ долги и впослѣдствіи привелъ въ порядокъ дѣла и доходы по имѣніямъ.

По достиженіи княземъ Александромъ 17-тилѣтняго возраста, матерью его былъ приглашенъ для усовершенствованія его въ наукахъ, извѣстный впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета С. П. Шевыревъ, котораго княгиня упросила ѣхать съ нею и съ сыномъ въ Римъ, гдѣ князь и окончилъ свое воспитаніе. Еще прежде, 18 лѣтъ отъ роду, онъ опредѣленъ былъ по высочайшему повелѣнію на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ причисленіемъ къ Римской миссіи сверхъ штата. Въ 1833 году князь возвратился въ Россію вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ Шевыревымъ, выдержалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ и послѣ того былъ причисленъ къ департаменту внутреннихъ сношеній и назначенъ камеръ-юнкеромъ. Здѣсь уже начинается дѣйствительная служба князя Александра Никитича: въ 1834 году онъ былъ откомандированъ къ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго дѣйствующею арміею фельдмаршала князя Паскевича въ Варшавѣ, гдѣ въ званіи чиновника особыхъ порученій VIII класса, состоялъ до 1853 года. Живучи въ Варшавѣ, князь успѣлъ снискать себѣ, какъ расположеніе князя Паскевича, такъ и любовь всѣхъ сослуживцевъ, исполняя свою обязанность примѣрно и добросовѣстно, что не всегда дѣлалось окружавшими князя Паскевича. Въ 1849 году онъ участвовалъ въ Венгерской компаніи, находясь при главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Въ 1856 году, уже въ званіи камергера, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣну. Бывшій въ то время посланникъ баронъ Будбергъ поручилъ ему занятія по дѣламъ Славянскихъ народовъ, вслѣдствіе чего князь былъ хорошо знакомъ съ этимъ вопросомъ. Прослуживъ около двухъ лѣтъ въ этой должности, князь былъ переведенъ въ Дрезденъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ Саксонскомъ.

Доброта сердечная, умъ и ласковое обхожденіе со всѣми, кто только имѣлъ до него дѣло, заставили всѣхъ, отъ короля до послѣдняго человѣка, любить и уважать его. Въ 1860 году онъ переведенъ посланникомъ при королѣ Неа-

политанскомъ, находился при немъ во все время революціи и былъ въ Гаэтѣ, когда этотъ городъ подвергался блокадѣ и бомбардированію. По уничтоженіи Неаполитанскаго королевства въ 1862, князь назначенъ и отправленъ въ Мадридъ посланникомъ ко двору Испанской королевы, гдѣ и пробылъ болѣе пяти лѣтъ. Послѣ случившагося тамъ переворота и отъѣзда королевы изъ Испаніи, въ 1867 году, князь по высочайшему повелѣнію, находился въ Парижѣ, а въ 1870 году, не имѣя возможности, по разстроенному здоровью, продолжать дѣйствительную службу, былъ назначенъ состоять при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.

Покойный князь все время служилъ по дипломатической части и поэтому болѣе половины жизни провелъ за границей. Но онъ любилъ свое отечество, слѣдилъ за Русскою литературою, писалъ статьи во многихъ журналахъ, и былъ въ душѣ Русскій человѣкъ. Онъ былъ женатъ на баронессѣ Луизѣ Лиліенъ, отъ которой у него была дочь, умершая въ Варшавѣ 6-ти лѣтъ отъ роду. По высочайшему разрѣшенію, онъ удочерилъ родственницу свою изъ рода Еропкина, дочь мою Надежду (ей было тогда нѣсколько мѣсяцевъ отъ рожденія). Князь любилъ ее какъ собственную дочь, и она была ему единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни. Надя находилась при немъ безотлучно, во время болѣзни и до самой кончины не отходила отъ него. Онъ оставилъ ей по духовному завѣщанію всѣ имѣнія рода Еропкиныхъ и всѣ наличныя деньги.

Покойный князь Волконскій имѣлъ наслѣдственную подагру, которая по временамъ появлялась то въ рукахъ, то въ ногахъ. Болѣзнь усиливалась отъ частыхъ путешествій по желѣзнымъ дорогамъ и отъ перемѣнной пищи, и впослѣдствіи достигла до такой степени развитія, что князю трудно было ходить безъ посторонней помощи. Въ 1877 году, во время путешествія изъ Парижа въ Римъ, онъ заболѣлъ въ городѣ Пизѣ, гдѣ и пробылъ около шести недѣль и, уже по нѣкоторомъ облегченіи, его съ трудомъ могли довезти до Рима, гдѣ онъ поселился въ собственной виллѣ вблизи города. Покойная жизнь, здоровый климатъ и хорошій докторъ значительно облегчили болѣзнь князя, такъ что весною онъ уже всталъ съ постели, а въ Іюлѣ, хотя не совершенно здоровый, имѣлъ довольно силъ, чтобы, по обычаю возвратиться въ Россію. 20 Іюля князь отправился въ свою Веневскую деревню, село Урусово. Въ Сентябрѣ онъ возвратился въ Москву и жилъ тамъ до отъѣзда своего за границу въ Мартѣ 1878 года.

Князь Александръ Никитичъ былъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ; никто изъ близкихъ знакомыхъ не видалъ его не только сердитымъ, но даже скучнымъ. Онъ никогда ни о комъ не говорилъ дурно. Если уже кто нибудь сильно ему не нравился, то о такомъ лицѣ говорилъ онъ только съ усмѣшкой. Онъ былъ очень образованъ и имѣлъ память необыкновенную. Съ нимъ весьма пріятно было бесѣдовать. Не было происшествія въ дальнемъ или въ настоящемъ времени, котораго бы онъ не зналъ и не разсказалъ подробно и ясно. Большая часть людей имѣютъ измѣнчивый характеръ, или настроеніе духа, смотря по обстоятельствамъ, отъ разныхъ неудачъ въ жизни; покойный же князь всегда былъ въ хорошемъ расположеніи и одинаковъ въ обращеніи, особенно съ людьми, ниже его поставленными въ обществѣ. Онъ умѣлъ ихъ такъ принимать и обласкать, что имъ всегда пріятно было проводить у него время. Онъ любилъ людей не по чинамъ, а по достоинству: поѣдетъ бывало съ визитомъ къ вы-

сокому сановнику, а отъ него къ мелкому лицу; у него это было безразлично. Многіе думали, что князь былъ католикомъ. Я зналъ очень хорошо князя, пользовался его довѣріемъ и дружбою и утвердительно могу сказать, что онъ никогда не измѣнялъ своему исповѣданію. Когда онъ пріѣзжалъ въ свое Веневское имѣніе, то каждый разъ въ Успенскій постъ говѣлъ и причащался; а какъ я всегда проводилъ съ нимъ все лѣто въ имѣніи, то и былъ свидѣтелемъ этого. Скажутъ, что у католиковъ это позволительно, чтобы скрыть въ Россіи истинную свою религію; но въ Римѣ, гдѣ князь кончилъ жизнь, не затруднились бы похоронить его по обряду Римско-Католической церкви и даже настояли бы на томъ; а извѣстно, что для отпѣванія и погребенія покойнаго былъ вызванъ изъ Флоренціи священникъ Сенъ-Донатской церкви, отецъ Владиміръ съ причтомъ, который и совершилъ надъ тѣломъ его обрядъ отпѣванія. Я счелъ священнымъ долгомъ заявить объ этомъ, чтобы не было никакаго нареканія или осужденія памяти покойнаго князя Александра Никитича, который въ продолженіе всей жизни своей никому не дѣлалъ зла и никого не осуждалъ.

В. Ильинъ.